

DOI: 10.31857/S0869568722040173, **EDN:** JBAEKO

Книга «Самодержавие или конституция?» стала итогом научных изысканий А. В. Островского, касавшихся истории России начала XX в. В центре его внимания — факторы, обусловившие преобразование политической системы империи, создание народного представительства и введение Манифестом 17 октября 1905 г. конституционных норм. По сути, автор размышляет о том, кто инициировал Первую русскую революцию — власть, народ, партийные пропагандисты? Конечно, Островский далеко не первый историк, задумавшийся над этими вопросами: историография темы насчитывает сотни работ, в которых отражено множество подходов — от утверждений о закономерности и целесообразности революционных процессов до признания их случайности и хаотичности. Александр Владимирович взялся за освещение этих сюжетов с присущей ему скрупулёзностью, о чём свидетельствует хотя бы тот массив источников, которые он извлёк из фондов ГА РФ, РГИА, ЦГИА СПб, РГВИА и хранилищ столичных библиотек. Им тщательно изучались периодические издания, сборники документов, справочники, мемуары и дневники. Автор неоднократно сопоставлял различные редакции отдельных документов. Внимательно отнёсся учёный и к трудам своих предшественников.

Новизну же работе Островского придаёт сопоставительно-биографический приём, применяемый при описании, казалось бы, известных событий и позволяющий прийти к весьма неоднозначным и неожиданным выводам. Так, сопоставляя различные свидетельства, Островский полагал, что Департамент полиции во главе с А. А. Лопухиным и чуть ли не «в сговоре» с С. Ю. Витте допустил возможность убийства министра внутренних дел В. К. Плеве боевой организацией эсеров, которой руководил тайный агент охраны Е. Ф. Азеф

(I, с. 357–358). Совершенно иными красками «заиграла» в тексте и история рабочей организации священника Георгия Гапона, завершившаяся трагедией «Кровавого воскресенья» (I, с. 457–476, 527). Островский пришёл к выводу, что «Департамент полиции и лично А.А. Лопухин имели к подготовке этих событий самое непосредственное отношение» (I, с. 526), а «окончательный сценарий событий 9 января 1905 г. утверждался в Петербургском телеграфном агентстве» (I, с. 501).

Чего же, по мнению Островского, хотел Витте, летом 1904 г. вникавший в своё кавказское имение в теорию парламентаризма? Его намерения произвести коренные перемены в стране (I, с. 369), как показал исследователь, поразительным образом коррелировали с требованиями либеральной (земской) оппозиции, устраивавшей съезды и банкеты (I, с. 385–386), и даже, как ни странно, с чаяниями радикально настроенных социалистов.

В самом конце книги упоминается и о связях Витте с председателем образовавшегося осенью 1905 г. на волне стачечных событий в столице Совета рабочих депутатов Г.С. Хрусталёвым-Носарём (II, с. 303). Правда, автор устанавливал их, опираясь на довольно поздние газетные публикации и обвинения, выдвигавшиеся в обществе против графа после революционных событий. Более того, рассказывая, как в 1908 г. их опровергал Витте, историк почему-то игнорировал то, что и Носарь в 1911 г. отрицал какие-либо контакты с главой правительства осенью 1905 г. Дистанцировавшись от революционной эмиграции и выйдя в 1909 г. из РСДРП, он был тогда уже вполне самостоятельной внепартийной фигурой, не заинтересованной ни в подтверждении, ни в опровержении тех слухов, которые использовались для дискредитации гр. Витте. Собственно Островский и «подтягивал» графа к Носарю и Гапону именно для того, чтобы представить Сергея Юльевича неким «организатором» революции. Согласно авторской концепции, граф был заинтересован в массовых волнениях и демонстрациях, которые позволяли ему оказывать давление на монарха и добиваться конституционной реформы. Проследивая события 7–9 октября, Островский указывал на «удивительную синхронность» железнодорожной забастовки, волнений в Военно-медицинской академии и обращений гр. Витте к Николаю II. По словам автора, сановник «собирался апеллировать к стачке, которая тогда ещё даже не началась» (II, с. 184). Отсюда возникает предположение, что он не только знал о её подготовке, но и инспирировал соответствующие действия, пользуясь возможностями и влиянием тех лиц, с которыми контактировал. Впрочем, часто его интересы и замыслы просто совпадали с оппозиционными настроениями в самых разных как «левых», так и «правых» кругах общества, имевших свои претензии к правящему режиму.

При аккуратном, мягком, грамотном «дирижировании» ими можно было создать такой революционный «пресс», который заставил бы Николая II пойти на серьёзные уступки. Таким образом, гр. Витте предстаёт в книге «режиссёром» всеобщей стачки, кульминацией которой оказывается деморализация императора, а развязкой – Манифест 17 октября 1905 г., вызвавший, как известно, раскол общественности и образование «объединённого» Совета министров. По сути, Островский, не делая окончательных выводов и не обобщая своих наблюдений, подводил читателя к мысли о том, что революция в России в начале XX в. стала результатом активного, инициативного и скоординированного «совместного творчества» представителей высших правительственных сфер и радикальной общественности. Но это наталкивает на новые вопросы.

Выходит, не «левые» политические силы (социалисты) сыграли ключевую роль в подъёме народных масс на борьбу за свои интересы? И не сам народ на неё поднялся? Так в чьих вообще интересах совершалась тогда эта революция?

Нельзя не признать, что автор серьёзно увлёкся весьма тенденциозными поисками тех сил, которые скрывались за происходившими в стране процессами. В частности, он писал, что ещё накануне войны большую роль в анти-русской (и прояпонской) кампании в печати сыграли «издания, связанные с еврейским капиталом», и, по сути, «Японию к войне с Россией подталкивали еврейские банки Великобритании и США» (I, с. 324). Затем, открыв кредит Токио, «зарубежные еврейские банки фактически встали на путь финансовой блокады России» (I, с. 326). А после заключения мира Витте будто бы даже был поставлен в известность о том, что Петербург может рассчитывать на необходимый ему заём, но его условием, выдвинутым «представителями еврейского капитала», является «решение еврейского вопроса» (II, с. 60). Подобные спекуляции, отсылающие к теории «международного сионистского заговора», опираются в работе на шаткие и нередко умозрительные построения.

Островский упорно искал в русской революции «иностранный след». В частности, его внимание привлекало то, что в организации оппозиционного земского съезда осенью 1904 г. участвовали трое (!) австрийских подданных, а также американский бизнесмен Ч. Крейн (I, с. 406–407). Железнодорожную стачку сентября–октября 1905 г. он связывал с приездом зарубежных банкиров для переговоров о займе. Выбрав «удобный момент для торга с царём», они рассчитывали при «ослаблении царизма» и установлении конституционного строя «сделать Россию более сговорчивой». И конечно же, по словам автора, «в этом были заинтересованы еврейские банки» (II, с. 172).

Естественно, в данном повествовании нашлось место и масонству. Так, в книге не только отмечена принадлежность к масонам видных деятелей Союза союзов М.М. Ковалевского и В.А. Маклакова (II, с. 34), но и говорится, будто гр. Витте посещал ложу на Николаевской улице в Петербурге (II, с. 126). Конечно, все эти обстоятельства заслуживают специального рассмотрения, однако оно предполагает прежде всего строгий анализ достоверности имеющихся источников, а не простое воспроизведение и сопоставление всевозможных туманных намёков и предположений.

Двухтомник А.В. Островского, бесспорно, произведёт сильное впечатление на читателей. Но совершенно очевидно, что его размышления нуждаются в серьёзной критике, перепроверке и существенной корректировке другими исследователями.